

Зеркало

Павлова Марина

16+

Марина Евгеньевна Павлова

Зеркало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56597826

SelfPub; 2020

Аннотация

Вечный спор добра и зла в борьбе волшебников. Люди и силы природы защищают родную землю от злобных чужаков.

Прекрасная Бригантина... Невесомый образ мечты...

Эмма и ее младший брат, полноценно ощущая вкус свободы, задорно вышагивали знакомым курсом на пляж. Родители впервые отпустили их вдвоем к знакомой, по некоторым данным дальней родственнице. Станица Старборовская, Черное море – их постоянное, родом из детства место отдыха.

По прибытии отзвонись маме с папой с чердака тети Валяного дома, где связь устойчивая, и дальше гуляй, не хочу.

У всех семьи разные, в нашей пестуют весь детский размер, не только мелкий. Да и ладно, мы детки привычные.

–Эмка, а чудно, правда? Купаться, не слыша голос матери: «Вылезай немедленно!» С упоминанием – какая часть тела у тебя в этот раз больше посинела!

–Вот глупый! Чему ты радуешь, что детство уходит? Нет, в длинную юность верить, конечно, хочется, только мой следующий год – в универе последний. А дальше мозолистая работа протянет к моей беззаботной шее свои деловые руки.

–Ну это к тебе. У меня-то еще четыре крутых года... лета...

–Ты давай без обзорных видов. Смотри не впилась тут в какую глупость. Как выкинешь что, сразу отчалишь домой, понял? Радуетса он...

С тобой порадуешься, ты, похож, еще матери хуже!

–Хорошо, что ты это понимаешь!

По одному выбрались из недлинного ухоженного садика за заднюю калитку, разошлись с зарослями кустарника, все плотнее обступающим тропинку и...

–Твою же...!

Беззаботный Артем с треском провалился в яму. Выяснилось, что он угодил в отводной ров, выкопанный перед... непривычным сооружением, которое здесь не стояло.

«Смотри куда идешь!, – не удержалась Эмма – выйти из дому не успели, а ты уже завалился»...

Они выбрались на дорогу. Эмма еще вернулась – уронила второе полотенце – знакомо многим отдыхающим, лишней вместимостью впихнутое поверх сумки.

–Фу!

–Оказывается, тут дорогу построили.

–Не ясно зачем. Грунтовка накатанная была, что к пирсу, что к роще...

–Гляжу – народу денег девать некуда.

–Ну местным видней. Только на новую трассу этот новодел не тянет. Сплошь ямы-канавы и размытости. Словно под камеру «на мне сэкономили на всех этапах строительства». Пожалуй, тут и правда тот случай, когда грунтовка лучше была.

Брат с сестрой перешли дорогу, подняв неожиданно много пыли и начали спускаться вниз, к соседнему рву, когда вровень с ними появилась ниоткуда и улетела в никуда незнакомое авто. Горячий воздух неожиданно сильно спру-

жинил на мах. Эмму едва с ног не смахнуло. Пыль припудрила богато. А машина, словно специально совершив по отношению к девушке мелко-пакостное действие, притормозила в паре метрах перед очередной колдобиной.

«Ничего себе! – возмутилась Эмма – Разве что мы знакомы... но три года мечь копить.... Да ну.»

«А недешевая иномарочка... местные поднимаются» – заметил из-за спины Артем.

Пляж после нового варианта дороги еще более обузился. Нескольким семьям и парочке влюбленным его, правда, хватало.

«Где народ?», – подивилась Эмма и устроив на песочную насыпь голову и под все тело полотенце, угнездилась на солнечный релакс.

Несмотря на малочисленность отдыхающих, тишины и покоя на пляже не осталось вовсе. К обеду напрашивались, скорее громко стучались в мозг два вывода.

Если местные и разбогатели, то в разы. Раз отказались от своего главного дохода – летней сдаче жилья.

Второй вывод частично разъяснял первый. Уже час спустя машин по дороге пронеслось больше единиц местного населения, включая малых детей, водительскими навыками не обремененных.

По-прежнему хорошо дышалось разве что в дальнем заплыве. Дневной бриз сносил травленный воздух обратно на берег.

Единственное позитивное явление произошло вереницей перед глазами – это вышедшая на водные процедуры детская часть семьи Ножкиных, которых за количество отпрысков прозвали Многоножкины.

У станичников считалось проявлением хорошего вкуса путать точное число семьи Многожкиных. Эмме до сих пор не знала правильного количества. От восьми до десяти. Погодки – вся информация.

Любые жители любой морской стороны к удивлению отдыхающих, казалось бы купайся не хочу, занимаются этим приятным делом на удивление не часто. Что касается семейства Ножкиных, то ее главы всегда показательно разумно использовали купальный процесс как надежную закаливающую процедуру.

«Нет у нас денег на лекарство, да и не надо, мы без лекарств будем здоровы» – призывали всех продвинутые родители – сторонники здорового образа жизни.

Зрелище массы красивых светленьких деток, когда старшие тягают младших за руки, являлось в некотором роде визитной карточкой станицы.

Короткое зрелище борьбы, когда старшие окунают упирающихся младших и дальше в той же последовательности растирают их полотенцами, которых почему-то всегда меньше количества детей. В станице ходили вариации на тему: «И где ж столько полотенец набраться, это вам не детей нарожать».

«Смотри, это ведь Многоножкины?» – спросила Эмма, определяя в основном по примерному количеству группу теперь по большей части одного – высокого роста.

–Ого, как подросли, не узнаешь. Привет, орлы!

Отработанное происходящее и вот в основном пацаны и две девочки уже отбывают домой.

Прежде, чем вовсе исчезнуть за кустарником, одни из младших вдруг оторвался от своих и перебежал дорогу прямо перед капотом очередного авто. Раздался визг тормозов... рев водителя...

Хорошо, что по такой дороге сильно не разгонишься. Но воздушный толчок и здесь играл по своим правилам. От него ли, или от собственного стопыка, шалун с ревом покатился в ров. За ним, ругаясь, полез один из старших.

Больше ничего милого по части просыпального не происходило. Мечтательный релакс «мы так соскучились по вотчине нашего детства и в радостном замирении созерцаем море» сохранить не удавалось. Шею автоматически разворачивало на каждый непривычный рев, как на приближающуюся опасность.

Наглазевшись на новый элемент урбанизации, капитально выбивший ландшафт из прекрасных ориентиров, брат и сестра еще и обгорели. Очнулись, когда плечи драть начало.

–Это мы-то, опытные преопытные!

–Ты – старшая, куда смотрела?

–Пора бы уже и самому уши не подставлять. Они у тебя

лопоухие – первыми обгорают.

– У меня? Лопоухие!?! А у тебя ножки тоненькие, а волосы щипанные. Очень твоим маленьким глазкам идут!

– Что б ты понимал! Это дорогущая завивка! А в ногах ты еще меньше разбираешься. Отвали! От меня и от солнца, нет, правильно, так и стой – поглощай солнечные стрелы.

Энергичная перепалка закончилась привычно со свистом – упала в заброшенные. Секунд десять спустя о ней и не вспомнили. Если помнить все, что они друг другу за детство наговорили... процесс удушения... однако, дожили.

– Представляю, что к вечеру будет!

– Пошли отсюда!...

За завтраком тетю Валую они обычно не видели, лишь продукт ее утреннего кулинарного труда. Но за обедом глава семейства Валентина Ивановна, на вопрос: «Тетя, Валя, что у вас тут творится-то?» Для начала, отвернувшись, коротко выразилась и дальше более подробно объявила, что их дело швах!

Набрав в легкие побольше воздуха и зачерпнул для очередных плеч и носов своей особой мази «долгой подпаленную кожу и бессонную ночь!», она начала горестный свой рассказ.

Когда городские богатеи приглядели место под причал для своих яхт, они натурально проложили с трассы сюда прямо по нашей грунтовке новую дорогу, которая у них развалилась, точнее – провалилась во многих местах в течение

первого же месяца. Местные не удивились.

Может кто и сумел заработать на яхту меж статей закона петитюрьась, люди в такое не слишком верят, они тверже скажут – наворовал без привычки вкладываться в общественные сооружения.

Хозяева яхт через водителей, плюнули на свой дурацкий новодел и выбрали для проезда внутреннюю грунтовку правой стороны станицы. Часть их продолжала сбавлять скорость при въезде в населенный пункт. Но подтянувшаяся обслуга сразу восприняла станицу, как аборигенный аттракцион и принялась летать, насколько могла разогнаться по накатанному песку. И это по прежде тихим улочкам, куда мамы всегда спокойно выпускали гулять детей.

Яхте требуется причал, яхтсмену – дом Неподалеку от ничейного по их мнению причала толстосумы приглядели себе места под коттеджи. Подтянулись и безлошадные, то есть безяхтенные. Назвали свое поселение красиво «Морской бриз».

«Чужаки конечно, городские, не нашими думами живут, – грустно вздыхала тетя Валя – но мы по первым надеялись, что может не так все и плохо. Авось работу дадут, фрукты-овощи, рыбу закажут.

–Нет, пока участки богачеев одни стояли – всего двенадцать домов, так оно и было. А стало совсем плохо, когда они место для своей обслуги под дачи выбили. Вроде садового товарищества. Дали всего по четыре сотки, зато многим. Мы до ста семидесяти насчитали, потом считать бросили. Наши

говорят, теперь их больше трех сотен.

– Вот это уже оказалось хуже самого страшного шторма. Много их – как тараканов. И с теми же привычками все вокруг пятнать. В первые же пару месяцев, как они до нашей земли дорвались, ближайшую сторону соснового бора в плотную помойку превратили. А он всегда чистый стоял, прозрачный. Наперед домов и в море, они, конечно, мусор не кидали и не кидают – хозяева увидят, себе дороже, так они себе за спины – в лес. С их окаянного заселения три сезона прошло – так они красавца нашего ближайших метров сто, считай, убили. Сосны корабельные, казалось им все не почем. Стоят теперь какие-то пегие сухостои.

А ручеек у нас по деревне протекал изумрудный, с самих дальних гор. Они и его заморили. Дамбу себе под нос впихнули. Теперь он как в начале лета пересыхает, так канавкой зарослей до косы и стоит. Смотреть больно.

А еще время спустя мы поняли, что такое в конце невмоготу, хотя прежде думали, что уже находимся в критически расстроенном состоянии.

Причина в том, что прислуги, их друзей и родственников на порядки больше, чем хозяев.

А тут сильные мира сего снова подсустились и нам прямо по станице закатали настоящую дорогу из Федерального бюджета – мол, станичники, бедные живут без дороги или что еще официально в таких документах прописывают.

Как нам рассказали: «Проект этого пути издевательств» пробивала одна очень активная особа. Про таких говорят: – без царя в голове. Энергии как у паровоза, вот и сеет «доброе, вечное», привычки вникать не имея. Она еще, как утверждают, в личном интересе одному недотепе помогала, так и не научившемуся водить машину и приходящему в ужас от перспективы проехать по грунтовке несколько метров, да и к дому его еще подъем градусов аж в пятнадцать.

Рассказала, да и хватит о ней. Каждый за свои «благие» дела ответит.

Ну вот. Если часть вежливых людей продолжала ездить по наружной дороге, остальные перли по станице, но все же не всякий раз до дури разгоняясь, то теперь уже вся хамская шушера ломанулась по улице, устроив бесперебойный скоростной транзит прямо под окнами наших домиков.

– Дети, животные, насекомые – прочь! Тут я еду! И так теперь будет всегда!

Одного из особо наглых охальников, мало педаль топившего, а еще и гудевшего, как полоумный и едва ли не каждый раз мусор из машины в чей-нибудь забор швырявшего, наши мужики изловили и попытались без рукоприкладства прочистить мозги.

– Понимаешь, мил, человек, наша станица нам не дача. Мы здесь живем и работаем. А вы нам всю землю кругом изгадили, и воздухом стало не продыхнуть, одно фьить и фьить перед глазами. И не приведи господи кто на дорогу нетрез-

вый, да хоть и трезвый, да усталый вступит, отвернуть не поспеет, его же ж раз десять за раз переедут. Про детей и сказать страшно...

Ты давай, мил человек напрягись, не будь сволочью – по объездной езжай и своим скажи, мол – народ просит. Нам ваших пыли, дыма, вони и по задним загородкам за глаза и за уши. Так хоть на удавку не берите!

Нет, люди разными дорогами попадают в услуженье. Большинство – от не выбора. Тот пойманный был из прирожденных. С восторгом поклоняющихся, с удовольствием повторяющих, как глубоко босс ему «вставил» и никакой другой судьбы себе не желающих.

Прирожденный бесстрашно попер на мужиков и принялся орать, что он ездит, где хочет и как хочет и что какие-то придурки ему никакой не указ! И что он сейчас позвонит боссу и всех здешних мужиков мгновенно поставят в одобряемую лично им позу.

Мужики утихомиривают: «Ты чего из штанов выпрыгиваешь, мы ведь с тобой по-хорошему.»

Но терпение и у них не адское. Короче, назревает конкретное кровопролитие – мы тогда первый раз струхнули. Женщины из соседних домов набежали, своих-чужих мужиков оттащили. У нас обычно не молчат, когда впечатления свежие. А тут стоят наши бабоньки переглядываются испуганно и ни словечка. Представили сердешные своим женским чутьем, что из этого столкновения вытечь могло.

И это еще не все. Пока одни богатеи катались, с нас хоть ничего не требовали. А как халдеи покатили, так повадилась к нам от них одна тетка.

«Мы, – заявляет – дорогу строили, а вы по ней задарма ездите, давайте, платите»!

Мы ей вначале мягко отвечали. Может человек вовсе и не хамской породы и совсем не обирать нацелился, просто не понимает что твое, что чужое.

У нас тут, милая, завсегда дорога была. В этих смыслах ничего не изменилось. Правда подпортили вы ее плохим ремонтом, да мы люди не драчливые. Навидались, когда не за свое дело берутся.

Она сразу в крик: «Ага, платить не хотите!» И давай некрасиво ругаться. И грудью напирать.

Ну мы не дураки, небось поняли, что тут не объяснишь. Тогда и мы покороче, чего зазря антимонию разводить. «Забирайте, – говорим – свой дырявый песочек, нам и наш хорош и, как говорится, с нашей земли... с наилучшими пожеланиями»!

– У нас, вы знаете, несколько дворов... родные участки поделили, имеют один выход – на поселок, а другой – на море.

Так с тех, у которых вход сзади, в прошлом году деньги все же стрясли. Одна из них бабка Лукерья – одинокая, машины сроду не имела. А заплатила.

«Боюсь, – говорит – напужала, столько страху натерпелась. Эта здоровенная свиноматка на меня как поперла, но-

гами топают, руками перед носом сучит, того и гляди пиханет... каждый раз не накричишься, за соседями не набегашься. А много ль мне надо... так и отдала пенсию за два месяца».

–Ничего себе, еще и психические атаки! Тетя Валя, да вы чего? Это же чистейшее вымогательство! Статья. Надо было власти вызвать и поместить мощную стяжательницу туда, где ей самое место – в изоляцию.

–Ииии, милая. С богатыми не судись. Одна у нас надежда, что Агафья вмешается.

–Агафонова – это ваш мэр?... Погоди, насколько понимаю, вымогательница представляет собой группу обслуживающего персонала.

–Ну да. Пойдешь жаловаться ее хозяину, так у него свой закон. Может он эту... нехорошую женщину с работы погонит, да подельников ее туда же, а может об тебя же ноги вытрет. А если и освободят от злодеев, на кого они вернуться зло рвать? Такой мелкий сор каждую пылинку при себе держит... дармовых денег лишили.

–Пусть на себе рвет...

–Вот смотри, по их милости мы без гостей остаемся, считай, уже остались. А у нас доходы летние. Вот вы приехали, мы очень рады, сами знаете, да и то, небось, последний раз. Кому по доброй воле захочется единственный отпуск в году среди вони, пыли и хамства проводить. А за это нам кто заплатит?

На этом месте в разговор решительно вступил молчавший Артем: «Теть, Валь, я так понимаю – конфронтации не избежать, но пока вы осели в положении жертв. Слушайте, а за дробовики братья не пробовали? У вас в каждом доме какое-то оружие есть. А хамы обычно зайчиков пугливей. Разочек бы пальнуть поближе к цели и...»

Тетя Валя и Эмма выдохнули дружно: «Не вздумай! Мужики пока что и в мордобой не лезут. А ему сразу дробовик!»

–Чего всполошились? Немного соли в задницу хорошо прочищает мозги. Хотя прямой связи не проглядывается и механизм воздействия не изучен.

Тетя Валя испугано замахала на Артема руками и убежала в сени. А правая Эммы потянулась в замах подзатыльника...

* * *

Первая усталая ночь после приезда осталась позади и теперь, как подозревала Эмма, вжикающие за селом и по селу машины в привычно тихом месте станут привлекать внимание не только днем.

«Похоже, эта местность сделалась квинтэссенцией автомобильного движения» – выразилась Эмма.

«Ох, и не говори! – отозвалась тетя Валя.

–Надо же было выбить дорогу по селу...

–Да, без этого терпимей было, пляж, конечно, убили. Да только по задам-то их скоростная трасса из собственных карманов развалилась, видали, небось.

–Под себя выбили, ну воще...

–Не то слово...

* * *

К вечеру станица всех собирала домой. Парни – рыбаки уже наловили, что в сеть пришло и уже продали улов в городе или где поближе и доедают остатки на ужин. Девушки вернулись с огородов и садов. Помогли матерям со скотиной-домашними делами-отдыхающими и готовились теперь к вечернему променаду.

Эмма скучала по здешним тусовочным вечерам. У нее не то, что были проблемы с общением, просто наличие моря, она давно это заметила, его странным образом упрощало. По крайней мере – для нее. Смотреть на море, не тоже самое, что в телефон уткнуться, что до вежливости не дотягивает.

Свежий ветер со стороны темнеющей в блесках шири опускает на тело антиодеялом вечернюю прохладу, такую приятную после утомительно жаркого дня. Прерывающийся гул прибоя присутствует вроде третьего молчаливого собеседника. Когда разговор принимает нежелательный оборот или просто надоедает, можно взять паузу, просто повернувшись в сторону переливающейся огромности моря. Слишком серьезна его мощь, слишком неохватно пространство, чтобы сравнить с обычными, доступными людям отвлеченностями...

К вечеру прошел дождь, еще усилив звуки шелестом массово возвращающихся с работы дачников.

Эмма собралась на местную тусовку. Чтобы договориться с подругой, следовало влезть на высоту. На дерево или привычной наиболее часто используемый чердак.

Эмма уже ознакомилась с технологией местного дозвона – выбором нужного угла не чердаке, когда отчитывалась родителям за первый день.

Ничего, залезание по сомнительно крепкой лестнице все-таки лучше, чем как прежде ехать в направлении центра не один десяток километров, отсюда же было хоть сайгаком на крышу запрыгни, связи не поймаешь.

Послав домой маме сообщение о прекрасном времяпрепровождении в рамках строгой дисциплины и созвонившись, как называла ее, тетя Валя «приятелкой Риткой», Эмма вернулась к себе.

Ритка явилась как всегда энергичная, загоревшая до черна с яркими, быстрыми черными глазами и такими же движениями, словно не пахала весь день на жаре, а поднялась недавно после утомительно длительного сна. Высокий залом черных волос от жары с несколько раз перехваченной сверху резинкой. Фигурка, что надо, для московского стандарта, пожалуй, крепковата, но для здешней «нагрузочности» – в самый раз.

–Привет! Думали уж и в этот год не объявишься. Ну раз сподобилась, обещай, что не уедешь. А то у нас тут...

–И не подумаю. Мы на все лето. Надоем еще.

–Брательник с тобой?

–Да.

–А родители, неужто одних отпустили?

–Вроде того.

–Наши думали, вас до пенсии нянчить будут.

–Знаю.

–Ну молодцы, доказали самостоятельность. Вот это жизнь! И сарайчик свой от тети Вали на удалении. Делай что хошь.

–Мне больше нравится название «бунгало». Это да.

–И душ уличный собственный и трильяжик и ширма для переодевания принцесс. Китайская, с драконами и вполне себе новая, только вот кто-то...

–Ага, Артем сказал: «Головы драконам покоцали».

–Да, как-то выборочно ширма пострадала... погоди, дай тебя разгляжу. Юристка ты наша. Выглядишь, как положено, на миллион. Вот только... опять на отдыхе волосы не распустишь, резинку не расслабишь. Идет тебе конский хвост, никто не спорит, по моему-нам брюнеткам, хвосты вообще идут больше, чем блондинкам, не находишь? Только сейчас самое время волосы на волю отпустить. Тем более такие ухоженные явно под дорогим перманентом.

–И я бы еще знаешь... в руках Ритки откуда не возмись, появились ножницы... у тебя лоб высокий, умный, так я б тебе челочку пушистую выстригла.

–Эээ, подруга, ты чего, ты ножницы-то положи. Такие вопросы надо обдумывать, прежде, чем кромсать...

– Это у вас в городе долго думают, а мы, если бы над каждой фигней голову ломали, с голоду бы пухли. Раз! и получай свое полное удовольствие. . . ладно, ладно, не шарахайся, вот, острые предметы кладу обратно в ящичек. А то скажешь еще – порезали вместо здрасти. . .

– А сама волосы чего не распустишь? Им тоже наверно торчать на макушке надоело?

– А, моим по фиг. Они у меня как конский волос не уби-
ваемые и. . .

В этот момент хлопнула дверь и в бунгало вошел Артем, осветив помещение природными данными и вольностью юности. Стрижка городская. Сигарета на отлете. И сам весь образец цивилиности.

«Сколько говорить – в бунгало не курить!» – рявкнула Эмма.

Ритка же на несколько секунд потеряла дар речи. Когда снова смогла говорить, попыталась вытащить изнутри, как из бюстгальтера словно зацепившуюся за ляжку браваду, в восхищенном томлении едва не поперхнулась словами.

– Привет жених! Что в этом году, надумал на мне жениться?

– Привет, Ритка! А на фига мне жена, которая мою сестру больше меня любит.

– Это что еще за намеки?

«Ха-ха! – рассмеялась Ритка. Какой год жду, что согласится, а он все никак. . . брат у тебя – загляденье!»

–Ага, еще бы с наружностью получалось договариваться или же к ней прилагались мозги...

Веселая перепалка вылилась на улицу.

Эмма огляделась вокруг: «Так и думала...»

Через поселок с двумя сторонами, немного закошенный по ручью, по их стороне шла настоящая серьезно положенная дорога. Как на шоссе.

Смотрю вчера, как лихо домчались, нигде не тормозили. Обычно как коврик из тебя выбивают, всегда просыпаешься.

–«Да... а мы радоваться боялись» – власти вниманием обхватили.

–Тогда не понимаю – зачем им этот развал по задним загородкам?

–Для отвода глаз. Частная дорога для частных домов. Набросали кой чего на нашу грунтовку – местами щебенку и вроде как свое новое отстроили. А песок – это тебе не земля, в него мелкие глупости проваливаются. Пошла наша грунтовка провалами. Нет, пока вторая волна их заселения не прошла, все было терпимо. Богатеи – у них всего много и выпендрежа – конечно, но ведь умные, просто так, небось, не разбогатеешь, на голову свалится, не удержишь. Так те не конфликтовали, они по-другому – дорого и отдельно по этой части развлекаются. А у нас по полной завязалось, как слуги поселились... не знаю, что тебе тетя Валя успела рассказать, у нас тут честно сказать: «Война...» Обещала, что не уедешь...

– Не уеду. О, слушай... какой аромат! Еще роз ярче. Дай угадаю. Цветет сирень знаменитого цветочника и цветочного дела коммерсанта дяди Игната.

– Точно!

– Думала в этом году пропустили.

– Какой-то новый сорт – поздний. Ожидается к цветению еще и вовсе осенний. Мы-то тут с весны в плотных запахах. Его в этой части села даже авто приبلудных не всегда забивают.

– Сзади, словно откликаясь на зов, неожиданно взревел мотор, и красивая темная машина с ревом рванула вперед, в точном расчете водителя максимально окатить девушек водой из ближайшей лужи. Особенно – Ритку. Артему же, прикрытому девушками, почти не досталось. Но разозлился он больше всех.

Ритка, отряхиваясь крикнула: «Что, подлое нутро покою не дает?»

– Нарочно, гад, ждал, когда к луже подойдем. Что за дешевка мерзкая!

Эмма для начала удивилась: «Нарочно?»

«А ты как думаешь! – разгневанная Ритка, извлекала из волос что-то вроде шального камушка – Они нам не просто все вокруг перепортили, изгадили. Они еще и изгаляются – как это наши их мерзкое присутствие с поклоном глотать не желают! Отрябье, застрявшее мозгами в каменном веке! Погодите, у Агафьи терпенья много, да только она живая. По-

года, устроит она им Вселенский ответ, мало не покажется.»

В начале Риткиного монолога Артем шипел что-то неразборчивое, но когда ей удалось донести до заинтересованных слушателей уверенную версию «нарочности», с криком: «А ну, стой!», сорвался с места за отъезжающей машиной.

Ритка закричала: «Не надо! Нет!»

Эмма, обладающая тренированной о брата реакцией, успела крепко вцепиться в его футболку на спине. Бег с сестрой хоть и не по пересеченной местности скорость глушил капитально и Артем по опыту знал – не отцепится. Так и будет гасить агрессию, даже если придется ему под ноги свалиться. И вообще, сделает все что угодно, чтобы сохранить брата от травм, да как бы не хуже. Все равно мягче обойдется.

«Тёмка, опять? – прорычала Эмма и ослабила хватку – так и будешь за каждый придурком бегать? Достал! Когда ты только повзрослеешь!»

Артем ничего не ответил. Вмешалась Ритка: «Значит он у нас как был забияка....»

–Я забияка? А эта игруля убогая в машине тогда кто?

–Так, хорош, проехали. У нас приятная прогулка. Все! Остыли.

–Ладно, ладно. Видишь, никуда не рвусь... я его номер запомнил, зря что ли бежал... Сам приедет, если доедет...

–Тааак...

Эмма двумя пальцами потянула телефон из заднего кар-

мана джинсов.

– Или ты обещаешь и клянешься и все такое, или я прямо щас звоню родителям. Пускай берут на себя ответственность.

– Прямо щас не выйдет, сперва надо дерево приглядеть...

– Артем!

– ...Ладно, сестренка, чего разошлась. Обещаю...

– забыть этот досадный эпизод.

– ... эпизод

– И все другие... публика здесь... То есть, если у этого мелкого пакостника или какого другого случится обострение, то тебе на то будет все равно, ты ведь не врач, верно? И в тему не полезешь.

– Сестренка, согласишься, что на все, что случится, клятв не напасешься. Ритка, скажи ей. Все никак не избавится от того, что я не маленький мальчик. Нет, надо же как свезло. У других мать одна, у меня сразу две и обе по части воспитания крайне активны... Дыши глубоко... Ну как, порядок?

«Ладно, – недовольно буркнула Эмма – но смотри...»

Не успела затихнуть родственная перепалка, как на дороге появилась очередная автотехника в руках дикаря, но на этот раз лишь влажно припудрила девушек за недостатком воды действуя лишь за счет скорости и сближения.

Ритка крикнула вдогон: «Сволочь большая!»

И показала неприличный жест, объединив два мужских отклонения в одно.

Но предложение внесла вполне ровным голосом: «Пошли низом по траве, скоро здесь для наших ног дорога будет. Так только ноги промочим, а то через пару минут промокнем насквозь. Это я на вас повелась, мы по дороге давно не ходим.»

Артем продышался и завел вполне предметный разговор.

–Обрати внимание, сестренка, пришлые хамы делают что хотят и никакой закон, которому мы с тобой как-то отвлеченно от жизни служить собрались, нормальных людей не защищает. Это в других цивилизованных местах даже на игру в снежки требуется разрешение городского совета, у нас же каждый припадочный делает что в голову стукнуло и управы на него нет.

–Так ведь мерзость синоним тихушности. Они пакостят и отсиживаются. Никто ведь не явится в полицию и не заявит: «Примените ко мне наказание по закону. Я приперся на чужую землю к незнакомым людям и злонамеренно мешаю им жить!»

–Это как в одном из законов Штатов. Каждый водитель, въезжающий в населенный пункт и собирающийся совершить в нем противоправные действия, обязан прежде сообщить о них по телефону полиции. Ха-ха!

–Веселый закон!

–Главное – «правдоподобный».

–Но люди ведь его писали, причем адекватные.

–Когда адекватные пишут о неадекватных, примерно так все и получается.

–Обычно у нас Артем такие примеры приводит. Мне нравится. Мир сразу кажется менее агрессивным, то есть понимаешь, не один ты такой чудак, попавший в дурацкую ситуацию. Еще и другие есть, даже статусом обладающие, к примеру – законотворцы.

–Зазря ты так нашего брата. Если бы этот урод предупредил, что брызгаться собирается, мы бы отошли в сторону и остались бы не облитыми, не обрызганными. И главное – не окорбленными.

–Тём, ты всегда из каких-то облаков выныриваешь. Есть необходимость напомнить: «Закон родом из курьезов.»

–А вот еще один. Если бы люди ему следовали... нам достаточно было бы раздобыть пугливую лошадь и все наши проблемы решились бы сразу. Закон, насколько помню – штата Пенсильвания.

Если лошади не понравился встречный автомобиль, его владелец обязан разобрать свою машину и спрятать ее части в кустах.

–Представляешь, дачников с монтировками по отношению к собственному авто! Второй раз уж точно не приперлись бы!

–Громче всех смеялась Ритка. Вот это да! мы никогда не пойдем этих американцев. А еще какие прикольные законы есть?

–Артем тебе с удовольствием расскажет.

Пешеходы спустились к домам. Мокрые ноги не замедли-

ли прийти, как и было обещано.

–Ничего, у Петюни просохнем. Как он поживает?

–Пип то? Лучше всех!

–Да?

–Не. На самом деле он у нас оказался среди двух огней. Нет, у него еще два сменщика есть – Сашка Рыбак и Троян. Только так получилось, Пип, вроде, за главного. Так что и достается ему больше всех...

Хотела предупредить: «Про яхту Пипа ни слова.»

–Вы наверно помните, как он яхтой бредил. И в охранники главным делом из-за того пошел – пришлые лодочный сарай размахнули и ему место обещали. Пип в долги влез, закупил стройматериалов... хвоей вкусно пахло, доски напилил длинные, все сушил их, потом стал стапель собирать. У него в руках все горело и улыбка с лица не сходила.

Но тут хозяйство пришлое разрослось, каждому из хозяев катеров свой угол потребовался. Пипа и погнали. Теперь все его хозяйство у него на огороде лежит, гниет. И так пол огорода занял, так они с матерью все никак не решат – какой ряд яблонь или персиков убрать, чтоб прям там стройку устроить. Только по всему не дело это. У Пипа навязчивая идея за деревяшками смотреть, чтобы не гнили. Перебирает их, чем-то мажет. В общем, расстройство сплошное.

Эмма серьезно ответила: «Мы поняли, жаль Пипа, была у человека мечта...»

Артем не согласился: «Не хорони раньше времени, может

поднимется еще парень.»

–От души ему всего хорошего!

Следующим тостом Пипу – удачи!

Еще через пару домов из-за новенького глухого забора на улицу вылились подружки: Алка и Надежда. Обнимажки переместили прогулку по селу и в сидение на веранде – в чаепитие. На улицу девчонки выбрались только в полных сумерках, растолкав Артема, привычно задремавшего в уголке вытянутые ноги под обычное девичье бла-бла подружек сестры.

Эмма любила это время. Под уходящее солнце всегда пахнет на максимуме ароматов моря, нагретого песка и обычно чего-нибудь свеже скошенного-испеченно-жаренного... А цветы... а розы.

Вот и последний дом поселка. Эмма напонила себе об осторожности. Манера, с которой являл себя улице их очередной по пути друг, бывала травмоопасной. Эмма готовилась, но когда дружба Тиша приземлился в дециметре от выступающих поверхностей ее тела, она ахнула и шарахнулась в сторону, отдавив Ритке ногу.

Тихон, да в самом-то деле!

Ритка тоже поругалась: «Тебя только одним можно отучить народ пугать – срубить это чертово дерево и надавать бревном тебе же по башке!»

«Вы куда, к Пипу?» – слегка адреналиново на выходе улыбался Тихон, ничуть не растерявший прекрасного расположения духа, как, вероятно, и прыгучести.

–Да.

–Рит, не надумала еще индивидуально прогуляться?

Это как, одна?

–Глупенькая, со мной!

–Тиша, сколько можно объяснять...

–Знаю, на фоне яхт мое скромная, но надежная фигура выглядит не обложкой. понял, будем подождать... Пип сказал, у него гость.

–Долго же вы шли. Эмма, как всегда в первый день над розами зависала?

–И не только.

–Эмм, а ты, кстати, знаешь родственные связи Розы?

–Эмма, не ведись!

– Шиповник?

– Роза – дочь навоза! Гы, гы.

–Тихон, хорош!

–Слушайте, а может доедим – все же полтора километра.

–Больше двух.

«Давайте сегодня погуляем» – попросила Эмма.

–Она соскучилась.

–О кей, пешкодрал, так пешкодрал...

–Сегодня с нами наших не добавится, у Пипа, правда, кое-кто уже сидит...

Обновленный пирс с тремя красавицами яхтами выглядел солидно, в отражении луны и единственно фонаря еще и романтично. На небольшом расстоянии темнела стоянка кате-

ров, лодок и так далее.

Петюнина сторожка с ровной крышей о двух окнах и наполовину в верхней части прозрачной двери смотрела ею темное море, белеющие в ближайшем освещении фонаря яхты и звездное небо.

Тихон первым подскочил к окну и со всей дури в него забарабанил и неразборчивое заорал, заставив даже уличных гостей подскочить. Внутри сторожки кто-то испуганно взвизгнул и что-то грохнуло.

«Ну не придурок!» – дружно возмутились подружки.

Гости вошли в дверь. Хозяин долговязый, улыбочивый парень даже приподнялся навстречу Эмме: «Какие люди!»

–Привет, Пип, как ты?

–Да, нормально. Привет Эмма, привет чувак! Как говорится: «Душевно рад. Как вы?»

–Да, тоже нормально.

Поднялись, тепло поздороваться и другие присутствующих Павел, Ниночка и Верка.

Новенькому пришлось к Эмме и Артему уже протискиваться.

–Вот знакомьтесь. Влас. Младший. У нас есть еще дядька с таким именем, неважно, нам с ним не общаться. Влас из городских, его дядька – из богатых. Видите, вон яхта отсюда третьей стоит, Анаконда называется... А вообще-то парень нормальный.

«Вот спасибо!» – Влас протянул издалека руку в тусклом

свете далекой низкой лампочки у входа.

– Не разберешь толи накаченный, толи тщательно откормленный – а вообще-то характеристика нечастая... приятно познакомиться.

Влас махнул кому-то рукой, может себе и перешел, надо думать, на более ему привычный стиль общения – быстрый и энергичный. Станичники сказали бы: «Городской.»

Влас не девчонка, но ему пошло бы слово трещать...

– Можно на ты? весь вечер слушал Пипа и всех, кто к нему приходил – и все на одну тему. Эмма приехала, Эмма приехала! И даже брата привезла. Ты тут популярна.

– Ребята, я тоже по вам соскучилась.

– Слушай, имя у тебя не совсем обычное... а это правда, что тебя в честь железки называли? Ну, старой машины?

Времена, когда Эмма грубила в ответ на подобные вопросы, тащились за ней все детстве, но отцепились в ранней юности.

– Да.

– Seriously? Была машина Эмма?

– M1.

– И за что ей такой подарок столько лет спустя?

– Вывезла прадеда из окружения во время второй мировой и не говори, что тебе это объяснение несколько раз уже не объяснили.

– Да ладно, чего такая колючая?

– Не цепляй, не уколешься.

–Да я просто... разговор завязать, близкая тема про себя любимую. Предки и все такое. Люди обычно...

–Хочешь говорить о предках, говори о своих.

–Да я же только...

Ритка вмешалась: «Как думаешь, сколько тысяч раз ей про Эмку объяснять пришлось?»

Подружки тоже дружно загалдели.

–Тоже городской!

–А в разницу между старая и раритетом не въезжает!

–Еще про машины рассуждает!

–Да понял я, понял уже!

Эмма спокойно продолжала: «А теперь я спрошу.» Насколько знаю: «К нашим городских еще не прибывало. Что со своими не общаешься? Не нравишься?»

–Недоверчивая какая, точно – приезжая. И вы, леди, повежливей. Ну если, конечно, не хотите впредь не в сторожке торчать, а на яхте ходить.

–Яхта, да ладно!

–Это кто ж так раздобрился?

–Не крупноват ли подарок для перца?

–Зеленого!

–Я вам больше скажу. То есть – ничего. А то неинтересно будет.

–Нет, что, правда светит?

–А то!.

–О, Алка, хватай. Городской, да еще не бедный.

–Что значит – хватай! Богатые сами выбирают.

«Это богатые так думают» – снова веселый дуэт.

–Вот заводные. И обращаясь к Эмме – все время обо кого-то веселятся.

–И правильно делают.

–Я и говорю. Только если общаться не получится, то нормальных телок у вас много.

–Телок?

–Ну ладно, ладно, все тебе не то.

«Правильно, Влас, возьми нас кататься. Мы грубить не станем!» – Ниночка улыбалась, Верка согласно покивала.

–А не врете? Ладно, там видно будет... да... ну... что, по пивку? Кто ящик из прибора подтащит?

«Нет, какая все-таки экзотика. Это не холодильником хлопать, – заявил Артем – я принесу, задай направление. Сестренка, а мы-то когда, завтра что ли проставимся?...»

Особого веселья не вышло, вечер, как вечер. Подошли еще несколько парней и пара девушек, дальше сложным кульбитом разошлись пары, группы. Власа увела местная секси, дочь бывшей бухгалтерши рыбхоза Макарова Анна. Макарка. Продвинутая барышня.

Никто не слышал, как они договаривались о совместном вояже, никто не заметил, как уходили, никто не слышал, как заводился движок авто Власа. Просто с прибрежного песочка пропали два человека и одна машина с качающимся красным чертиком на заднем стекле.

Алка и Верка, однако, долгое время делили шкуру укатившего медведя: «Ну, что Нинок, помог тебе шестеризм перед Власом? А уж как прогибалась, чисто акробатка!»

«Надежда добавила масла в огонь: «Из-за таких как ты эти жлобы и борзеют.»

–Ну грубость-то точно никогда никому не помогала.

Слово за слово, девчонки едва не сцепились.

Эмма смотрела на свару и понимала, что удивлена. Раньше все смеялись, шутили, если и подкалывали, то не обидно, как сами над собой, а тут злость ядом брызжет, цистернами выливается.

–Пип, перехватив взгляд Эммы, кивнул: «Да, не прежние времена.»

–Но...

–Может им замуж пора, а скорей всего эти уроды довели. У нас теперь все на психе. И так жизнь не шезлонгая. А тут такой мощнейший раздражитель, ни днем ни ночью... того и гляди...

Обратно шли вчетвером. Пип, сдавший смену Сашке Рыбаку, Эмма, Ритка и Артем.

Артема, правда ласковыми взглядами манила Ниночка, но Эмма брата попридержала: «Хоть не в первый вечер. Видишь, тут и без тебя все на взводе.»

–А в Уругвае переворот и что?

–Ты не в Уругвае.

–Ладно. Артем шел, словно сам по себе. Эмма знала, что

это ненадолго. Сейчас брат начнет сердиться вслух. И действительно, не успели они разминуться с автостоянкой и выйти на финишную прямую, как Артем завелся.

–Парень, я только одного не пойму: «Как вы допустили такое! Докатались до того, что над вами на вашей собственной земле издеваются какие-то пришлые уроды!»

–Тебя здесь не было.

–И чего я не знаю? Как вы хамам морды били и штаны солью дырявили? Ничего вы не сделали, ничего!

–Неправда, мы отпор давали.

–Да и какой же?

–Ну... когда они дружно начали посеред села свой мусор выбрасывать... случалось, один башмак на дороге через село находили, а другой – на наружной дороге – реальная история... ну... мы очень возмущались и даже собирались в ответ... подарить дачникам пару возов навоза – все свежее – прямиком от производителя – трамплином к въездным воротам в их садовый вертеп. Зачем мстить, когда можно доброе дело сделать. Они сердечные за дерьмо деньга плотят.

–Ну и как, подарили?

–Нет, раздумали, добро денег стоит.

–Я так понимаю, ты шутишь.

–Нам давно не до шуток, сам видишь.

–Слышь, Пип, да вы что, безрукие совсем? Или трусы в третьем поколении?

–Артем, ты знаешь, ты тоже... Ладно, расскажу тебе, но

если где сболтнешь, у нас тут черная заваруха начнется... для начала так скажу: «Да, напугались... и хорошо подумали – хотим ли мы и дальше сеть плести...».

–В общем дело так было.

–Тогда только первый сезон ихнего нашествия заканчивался. Мы еще нервы под ноль не спалили и затыкаться не научились.

–Для начала, пытаюсь вернуть себе собственную улицу, мы построили шлагбаум, которые приезжие сломали в первую же ночь.

Еще мы на улицу выходили, устраивали, что называется пикеты, несколько раз участковый приезжал, разъяснял про федеральную дорогу и статьи про хулиганство и несанкционированные митинги. А главное, этой сволоте больше чем на полдня острастки не хватало.

Конечно, и среди них выдающиеся попадались. Была, одна хамюга. Ему пару раз за скоростную гонку по станции слегка наваливали, а он мало не провалился, а наоборот каждый раз еще газу добавлял, на всю улицу бибикал и ржал нам в лицо.

–Вот ты говоришь...

–Несколько раз до рукопашной доходило. Не только с ним, но и с другими. Это они трусы, не мы. Многие, кому все-таки навешали, в тот год больше к нам не совался. Только много их очень. Правильно, дядька Игнат сказал – всех вниманием не охватишь, на ком-нибудь споткнешься. Будет

труп.

–Такая борьба на месте не стояла, продолжалась до конца первого сезона -до момента, когда один из уродов на большой скорости несясь по улице едва не сбил пятилетнюю Аннушку.

Бабушка ее к подруге отпустила, сама не здешняя – в смысле – бабушка, погостить приехала. Ее предупредили, конечно, только она не огляделась еще, не думала, что все так серьезно. А Аннушка по дороге пошла, чего давно не делала, хотела новые туфельки от росы побереечь.

Короче, этот скот, похоже, все же малышку вскользь приложил – ее отбросило вниз на кусты. Поди сообрази, какой синяк от природы, какой от машины. Однако, переломов не оказалось, травмы в целом сочли незначительными. Кроме одного – девочка от испуга стала заикаться.

Дальше больше – начала заиканья стесняться, ее начали дразнить. Короче, жизнь благополучного ребенка, которую друзья прежде ласкового звали Аннушкой, превратилась в кошмар.

Тут на побывку с севера, что называется: «Погреть косточки» прибыл дядя девочки. Дядя Степа – Веркин дядя. От Верки можешь все из первых уст услышать... но лучше не надо, рассказывает: «Каждый раз сжимается.»

Верка тогда говорила: «Дядька лицом чернел и чернел.» На каждый неправильный звук племяшки цветом души кривился. Как ты к перестрелке не призывал. Его не поддержа-

ли. Тогда какой-то странный сделался. Однажды увидел Аннушку в слезах, в истерике, она зверски пыталась с собой справиться, но ей никак не удавалось. Ик, да ик...

За неделю до отъезда дяди домой, рыбаки, отправляясь на рыбалку затемно и подходя к своим лодкам, увидели Степана, сидящего на их небольшом причале.

Тот курил и выглядел, конкретно не от мира сего.

–Степ, ты чего здесь сидишь?

–Да вот жду, выплавит или нет.

Мужики притормозили.

–Ты кого-то отправил поплавать?

–Ага, дрянь одну. Сильно напрашивалась.

«Ну, ежели совсем дрянь, так всплывет» – пошутил один из мужиков. Но больше никто не улыбнулся.

–Степ, а давно этот, ну, которого ты плавает?

–Со вчерашнего вечера.

–Степ, ты...

–Ну что вы... Дрянь сама... как в анекдоте попутала плавки с машиной.

Мужики его еще попытали, но Степан как потерял интерес к разговору...

А через пару дней начались поиски одного из дачников, выяснилось – именно того мерзавца, что сделал девочку зайкой. Пропавшего не нашли, как и его вещи. Кроме авто. Подальше от прибоя. Выглядело это так, словно машина на хорошей скорости сорвалась с высоты пирса и подрейфовала

стороной.

Местные пожелали лишь красавицу машину – могла бы возить хорошего человека.

Власти в поисках местных тоже бегло опрашивали. Все насчет «плавков» промолчали.

Еще спустя три дня поступило новое сообщение, что мерзавца с подругой якобы видели в городе уже позже даты пропажи и дознание переместилось туда.

В этой истории – одни догадки. Кто-то говорит, что сообщение о том, что пропавший «пропащий» на самом деле в городе позже не объявлялся, что информация эта взялась ниоткуда. И еще, что разговор про «плавки» состоялся, а кто-то говорит, что нет. Так или иначе – обсуждение велось строго между своими.

Дядя Степа успешно отбыл к месту службы, дело даже до допросов не дошло. А у Аннушки наступила успешная полоса лечения от заикания, словно мерзавец в силу лишения тела, в том числе – рук перестал дергать ее за язык.

– Это тот мерзавец в плавках, что остался жив?

– Не известно. Ну... маловероятно. Одно можно с уверенностью сказать, что здесь его никто больше не видел.

Незначительно время в станице стояла тишина. Разговоры безымянные все же ходили, а уроды – трусливы, два и два сложили. Но постепенно безнаказанность снова запела им горделивые песни «кто я такой!» (интересно, – и кто?). И они снова принялись ездить по станице, а потом и летать.

А мы, да. Ты прав. Тогда мы напугались. Многие говорили, что у нас до массового смертоубийства дело лишь чудом не доходило. А что спалить могут, это мы с самого первого конфликта опасались. У них-то еще квартиры в городе. А у нас только наше.

Ты их видел, разве это люди? Так что, да, парень, мы пуганые. И чем этот наш прогиб закончит, никому не известно. А эти от безнаказанности в конец оборзели, на таких она махровой пышностью расцветает, цветных одежд не надо. Вот теперь, когда ты знаешь, что скажешь?

* * *

Следующее утро для брата с сестрой, но, конечно, не для местных, началось со скандала. Эмма собиралась – тащила Артема на пляж, только вернулась из магазина тетя Валя. Эмма наливала колодезную воду в бутылки.

Шумовая волна неожиданно накрыла южную часть села. Так случается, когда люди толк друг с другом выяснить уже не надеются. И выказывают раздражение вместо здрасти.

Все получившие допуск к звуку ссоры и некоторые отдельно вызванные, быстро продвигались в сторону шума.

Тетя Валя ни слова не говоря, выскочила из дома. Эмма – за ней, не желая оставлять – мало ли что. Артем задержался на пару миггов, осматриваясь вокруг.

Он – представитель своего поколения и клана не смотря на поверхностную легкость, нерациональность не уважает. И в серьезном деле неразумное желание ударного использова-

ния собственных кулаков считает странным.

Можно разломить руками хлеб, но орехи зубами лучше не грызть. Эта дурь сродни записывания собственной кисти в собственную электрическую мясорубку с целью проверки – достаточно ли в ней мощности для переработки подвернувшейся кости, не обманул ли продавец.

Эмма этот взгляд считала запросто. Пробегая мимо, успела крикнуть: «Не смей!» И послать грозный взгляд и Артем выскочил следом ничем колюше-резуще-ударным не экипированный. Вроде.

–Артем!

–Да нет у меня ничего такого! Вот Фома неверущая! Артем вывернул карманы: «Смотри!

Теть Валь, и в американском штате, кажется, Кентукки запрещено ношение замаскированного оружия, если оно имеет в длину более шести футов.

–Да? А шесть футов, это сколько?

–Примерно два 2 метра.

–Сколько? Да как двухметровый кесарь замаскировать можно? Под грабли? Черты тети Валиного лица на миг разгладились, она даже улыбнулась. Но тут кто-то крикнул: «Валентина, да что ж это такое, чем мы согрешили, что Господь нам такое испытание послал? И улыбка с лица пропала.»

По дороге тетя Валя здоровалась с другими торопящимися к месту скандала односельчанами. Когда ее речевой аппарат освобождался от приветствий, то на свет дня прорыва-

лось бормотание отрывков чувств... ах, ты каналья, опять... да когда же это... никаких сил...

Подходящие с их стороны люди сбились в стайку, окружив до разбора замерявшего в машине представителя «Морского бриза» За объяснением обратились вместе одним голосом. Мужским басом: «Семеныч, чего надо из-под тебя этому самодуру?»

Семеныча прорвало. Он принялся объяснять со всей страстностью натерпевшегося без внимания и помощи человека.

—Ну, как же! Вы все мою историю водоснабжения знаете. Выкопал колодец низом к ручью, чтоб колец сэкономить. А тут шарах! дорога. Мало мне все трубы перелопатили, урону нанесли... иии... сэкономил, называется, так еще и по нервам грейдором. Теперь заново придется закупаться, кольца-то назад не вытянешь...

—Семеныч, ближе к делу!

—Да какое дело с колодцем. Качаю воду по ночам, чтоб эти — взгляд на машину шланг не махрили, старый он у меня. Вчера-то я... ну не смог...

—И мы все знаем — почему.

—Ну да. А поутру Нинка прямо взъерепенилась. Стирать ей, вишь, приспичило, все никак не настирается. Рехнулась на чистоте. А голова-то моя ууу...

—Семеныч!

—Что?! Слова сказать не дают. Ну... начал качать. Вро-

де никого, ... нервняк заработал вправо-влево глядеть... все везло... не так много и осталось. А тут этот! Говорю ему по-человечески: «Мужик, погодь минут двадцать. Как раз, мол, докачаю.»

—А он сразу в ор. «Пошел ты – говорит со своей фигней. Мне ехать надо! И газует, газует, мотор рвет, переехать хочет.

—Я ему опять спокойно так говорю: «Так езжай, разворачивай на свою убитую дорогу. Тебе у нас и вовсе делать нечего!»

—А он все оборотами рычит и на чем свет матюгается.

—Я его увещаваю: «И это городские, мы себе такого не позволяем, что б на весь православный мир... А ему уговоры, как... Тут меня проняло. Сам на крик зашелся.

—Заткнись ты, приبلуда поганая, на всю станицу вопишь... дети у нас тут живут.

—Так он... он нехорошее про наших деток проорал... Ну и все, перед глазами все побелело, сдерживаться силов нету... У меня в руках амбарный замок от колодезной цепи зажатым был. Помню, рванул ему слова вместе с зубами назад в рот запихнуть, что б в другой раз и выговорить такое перхнулся.

А тут Виталик с мужиками подскочили, удержали. И этого – задержали.

Сидит теперь, сыч, гляделками мигает.

—Что ж ты больше не вопишь, мил человек? На чем свет

не материшься? И даже никуда не спешишь? Ребята, давайте вытяним его на свет божий и...

–Семеныч, уймись!

–Верно, чего нам на его хамскую рожу смотреть!

–Они тут каждый день в ассортименте!

–Сидит теперь, зубами со страху клецкает.

–Доякался!

–Жалкое мужицкое зрелище.

–Пускай проваливает!

–Это можно. Его к ручью одного или в авто?

–Окстись! Пушай просто уежает, пока у нас тут до войны не дошло.

Тетя Валя и другие женщины проявили активность – вручную призвали мужчин удержаться от расправы.

Матершиннику велели катиться задним ходом и по объездной. Что он и сделал, не пытаясь спорить. Убравшись метров на десять попытался выправить лицо с перепуганного, но не выправил.

«Хорошей» дороги ему вслед пожелали сразу несколько голосов. Тетин Валин голос отличался от сердитости усталостью – до чего ж вы надоели... Дождетесь, вмешается Агафья. Тогда узнаете, как людей забижать...

Семеныч настроением выпадал: глядел сильно огорченно: «Не дали над гадом душу отвести!...»

Этим вечером Эмма с братом остались дома. Они гоняли чай с местными баранками в компании тети Вали и Ритки и

слушали рассказы хозяйки.

Эмма заинтересовалась местной колдуньей, для начала спросила про историю, которую слышала в детстве.

–Теть Валь, а это правда тогда случилось, ну история эта про здешнего как это... курошупа?

–Про Веньку-то? Который ни одной юбки не пропускал и из которого мужики дурь выбивали и все выбить не могли? Да... Как только наовсе не прибили, не ясно. Живучий мужичок. Нет, были и такие, на которых его чары не действовали, по мне, так алкаш местный и все. Но вообще заводной был, веселый, ласковый, и тянулись к нему бабы. От тоски, конечно. Умел он женщину счастливой сделать. Но сколько семей расколосось, сколько крови в землю ушло. Гнали его мужики из станицы, не уходил, некуда ему было идти. И наступил момент, когда всем стало понятно – еще один скандал Венька не переживет. Назревает у нас уже не калеченье, смертоубийство. Своего среди своих – куда уж хуже. Вот тогда Агафья и вмешалась.

Наталья Березовая, которая на той стороне на окраине живет клянется и божится, что все так и было. Да и сам шалопутный, как известно, сразу после собрал пожитки и двинул к жене и дочке прощения вымаливать и перед станицей винулся – сама слышала. С чего бы ему в другом разе привычке менять, ведь его лет двадцать уехать разными способами... просили.

–Выходит Наталья...

–Вроде как краем под раздачу попала. Рассказывала, что в тот день обедать собралась, с огорода уходила, но решила в баню заглянуть, кое-чего оттуда забрать. И тут началось. Идет она к бане – к дальней загородке, а к ней навстречу поднимается белый туман. Как от речки нашей вечерами, когда в ней еще что-то текло и было чему ночью испаряться.

Идет Наталья и думает: «С какой такой стати этому происходить среди бела дня?»

Вот загородка на дальнем плане в тумане потонула. Вот две дальние яблони за ней. Наползает туман, узкой сперва прослойкой с воздухом делится, дальше верхами поднимается и немного редет.

««Ну хоть тут не против природы» – осторожно порадовалась естеству Наталья и собралась уж последние десяток шагов влево к бане сделать. И вдруг смотрит – в тумане странные блики запрыгали. Пригляделась она и аж рот раскрыла.

Видит Наталья себя саму ростом с яблоню, только не в саду за работой, а в самый страшный момент своей жизни. Она тогда еще замужем была и все никак не могла в толк взять: как над собственной женой можно так измываться, почему, за что? ведь грубого слова мужу не сказала. Пьет – болеет. Бьет – оттого, что пьет. А она – жена и она должна.

В тот страшный раз, главное, ничего нового не происходило. Перед глазами злобный не опохмелившийся гоблин. Очередное, не заслуженное «пошла на...» в ответ на предложение еды. Все как обычно. Но в ней в тот момент что-

то с сломалось – давно надломленное. Огляделась она рассудительно, не торопясь, словно склонность к глубокому анализу ощутила. Из всего имеющегося в доступе оружия, выбрала самодельный нож средних размеров. Удобно и крепко разместила его в руке, следующим сознательным движением зажала крепко-крепко, аж все тело зазвенело и... пошла на мужа.

Хорошо тот с пьяных глаз на нее поднял, когда их еще пару метров разделяло, иначе не сбежать бы ему ни в жизнь. Непривычное поведение всегда кроткой супруги его с толку не сбilo.

Крякнул, развернулся и наутек. Наталья гнала его по дорожке и одну свою человеческую эмоцию – радость хорошо помнила, когда тот упал и она поверила – теперь догонит!

Но тут зазевалась чуть и сама навернулась, вот не радуйся чужому падению, сама свалишься. Обо что-то головой приложилась и очнулась уже адекватной. Но в полнейшем ужасе от того, что чуть не пустила мужу кровь. Попробовала криком ужас прогнать.

Вопила Наталья как и тогда какое-то время. Пока не услышала с другой стороны похожий крик ужаса. Зацепилась за него сознанием и смогла замолчать. Повернула голову. Слышала еще громкий треск, какой бывает, когда большое дерево валится.

Но от роци валилось не дерево, бежал человек, прорываясь местами образом в рдеющем тумане и Наталья его узна-

ла – Венька-бабник... Но что он видел, не поняла. Какое-то человеческое месиво.

Ни один человек до сих пор не знает – что Веньке туман показал. Спрашивали, только глаза прятал, за голову хватался и за самогоном бежал. Впрочем, вопросы ему не долго задавали, покинул он станицу, ушел в никуда.

Вот такие дела с ведуньей нашей. Да. Многие про нее интересуются. Она у нас очень сильная, настоящая, исконная, вы и сами знаете. Только теперь не принимает никого, или... почти.

–Почему? Людям помогать не хочет?

–Нет, не в том дело. Так она серьезная и добрая. Травами попросишь – полечит и диагнозе не ошибется. Только... не хочет она больше против церкви идти... батюшка к ней не раз навещался... теперь и сама говорит: «Никто не доказал мне – откуда мой дар. А если он не от бога? Я ведь помощи прошу. А вдруг те, кто помогают лишь прикрываются светлыми ликами, а у самих за отводом глаз рожи рогатые? Скольким людям моя помощь после облегчения прямым вредом обернется? Про собственную душу уж не говоря! Нет, прав батюшка, гордыня это с людскими делами управляться.»

Агафья и в сосновом бору потому одна живет – никто ведь ее из села не выгонял, наоборот, ей все наше почтение, только не хочет про наши неприятности знать, говорит: «Могу не сдержаться.»

«Но бывает, – говорите – помогает?»

–Случается, потом в церкви долго грехи отмаливает, в монастырь уходит.

–А как же болящие?

–Так есть врачи. И говорит она: «Послал бог испытание болезнью. А за что боль к человеку допускается? За грехи. Вот и надо переболеть, грехи прогнать.

–А если...

–Или умереть.

–Да... сильно. А у нас почему-то не боятся магией заниматься.

–Так в городе жить не так страшно. Кругом люди.

–Ты так думаешь?

–Но, все одно, конечно...

–Так кому и в чем Агафья последнее время помогла?

–Да вот хоть совсем недавно – зимой. Нашла жениха одной девушке из соседней станицы. Жениха того против воли удерживали – тут, совсем недалече. Живет там одна на крепком хозяйстве. Вроде в бесплатного работника превратила, да еще, говорят – приглянулся он ей....

–И как это происходило?

–Велела Агафья за парнем не ехать. Дома вскорости ждать. И действительно. Сама злыдня и привезла. У первого дома выгрузила, кто-то даже видел, как из машины вышла, парню кланялась, просила не привлекать.

Весной ребята свадьбу играли, Агафью в почетные гости

знали, да она не пошла. И мы так понимаем, ей того веселья еще на полгода хватило... Опять по молельным местам ходила. Окна в крестах. И сейчас еще тот толи грех, толи не грех отмаливает.

–Что значит в крестах?

–Ничего такого, просто заколочены. У нас тут, вроде угор. Что б за домом присматривали. Особенно, как она сама предупреждала во времена сатан.

–Это она, надо понимать, пришлых так именует.

–Не только она.

–Да, жаль. Она тут порядок живо бы навела, если бы только пожелала.

–Агафья на это общее соображение, а мы у нее помощи просили, ответила: «Порядок должен на времена устанавливаться, а не так: щас ура! Завтра караул».

–И что это значит?

–Мы тогда решили – к рассудочности призывает. Что б слишком рано слишком крутую кашу не заварили.

–Значит – не поможет?

–Кто знает. У ей самой характер в юности больно горяч был. Полетали у нас парни над заборами. А вообще, думаю я: «На все времена у нее на этих... терпения не хватит.»

* * *

Эмма с братом и Риткой – в кое времена днем свободна, загорали, как говорила Ритка: «На пляжу.»

К морю заруливали: Ниночка, Надежда и Алка – точечный

визит: поздороваться, окунуться.

Посещали водные процедуры серьезные Многоножкины. Младшего, снова бранили, наверно, что-то еще натворил.

За что – не понятно. Выговор находился в завершающей и неопределенной стадии «и что из тебя только вырастит».

Ритка сегодня имела академический настрой – задавала вопросы об учебе: «Юристы, как вы учитесь–то, сложно это?»

«Да, нормально, – ответила Эмма – человек ко всему привыкает, учиться тоже. Уж точно не скажу, что моя жизнь твоей тяжелей».

–Ну, не знаю – а кем ты после учебы станешь?

–Хочу людей защищать. Адвокатом.

–А судьей не хочешь?

–Нет, людей судить не по мне.

–А я бы судьей стала и засудила бы всех этих уродов...

Артем вмешался: «Вот ты, Ритка, человек практический, хоть ты ей скажи. Сидела бы в офисе поблизости от Гены...»

–О, а говоришь парня нет!

–На нашем языке так генерального зовут, ну... главного, директора. В конторах, особенно крупных не по одному юристу работают, а когда народу много, ответственности меньше.

–А...

–Так ведь нет, сестрица моя – честная, непременно на себя самую выматывающую работу взвалить хочет. Она же по-

рожняка гонять не будет – ей это не по нутру. А одной брать ответственность и делать все как следует – тяжело до полной неподъемности! Знаю ее – на психе тянуть будет. И на сколько ее хватит...

Чувствовалось, что Артем говорит серьезно, впервые при Ритке.

Та от такого осознания подскочила на месте и очень серьезно предложила: «Эмма, иди к Гене!»

–Ритка, да ну тебя!

–Рит, не переживай, там видно будет.

–Да вы чего! Я же по настоящему! Следующие несколько минут Ритка поднимала песочек, бегая кругами, выкапывала из разных мест и доказывала свою лояльность и солидарность. Ее еле утихомирили.

Риткиному справному телу и вообще на месте не лежало, наверно с непривычки к дневной вольности. Она вертелась и складывалась на бока, вскакивала, ложилась и выглядела беспокойной, словно не на сухом песочке покоится, а на острых камнях в наказания корчится.

«Что ты все крутишься? – посочувствовала Эмма – Отдохни, как человек.»

–Ей эта парочка покою не дает. Вкусно целуются – влез брат.

–Ну да еще! Я только одного не понимаю, как им в жару в обнимку не жарко. Это ж свариться можно.

–Да ладно! Признайся, что завидуешь.

–Знаешь, перец, это у вас в городе – любовь на какой ступеньке повыше. А у нас работы невпроворот и на всем ломаться приходится. Грубый труд, бесконечный, ко дню плотно привязанный, так что у нас тут любовь не, не выживает. И потому моменты нежности, в фильме, к примеру... на них наши не как городские... заглядываются. Да где тебе понять, тебя принцем растили и дальше дорожку проложили, нигде не качнет, не скособочит.

–Ритка, а ты, оказывается, философ.

–Женись, узнаешь какой.

–Ок. Сегодня вечером.

–Ишь ты какой! Я девушка честная.

–Предложение отзывается!

Правильно тетя Валя говорит: «Ты Темочка – сущий безобразник...»

В этот вечер Эмма с Риткой и братом шли по дороге к пирсу. Они притормозили, как в прежние годы у Алкиной загородки, ожидая, пока к ним присоединятся подружки Алка и Надежда.

Ритка делала вид, что страстно охотится на брата, протягивала к нему руки, пытаясь повесится на шею, тянулась губами. Тот также выразительно избегал ее объятий. Эмма улыбалась. Не тогда, конечно, когда все никак не состоявшаяся парочка в процессе разогрелась и принялась гоняться друг за другом, едва не сбивая ее с ног.

«Грустно это, грустно, – остановилась отдышаться Рит-

ка – никогда не получаешь, чего хочешь, а на тебе жеребец можно воду возить.»

–Спасибо за жеребца. Особенно в захватывающем применении.

–Окстись, это не ругательство, наоборот – комплимент. Не, ну как говорить с этими городскими, когда они на воду обижаются.

* * *

Эмма с Риткой покинули летнюю кухню тети Вали, избавляясь от комаров и теперь гоняли неспешные чаи на ее домашней кухне. Ритка сидела у окна, явно кого-то на улице углядела и потянула Эмму за руку – пошли, щас начнется!

Эмма не поняла, хочет ли Ритка избежать неприятных визитеров, отправившись в бунгало, или желает находиться у двери при их появлении. Появление гостей у тети Вали Эмма почему-то не рассматривала.

В любом случае, они ничего не успели, Эмма даже подняться из-за стола, когда в дом ворвалась тетка Клавдия – соседка тети Вали, если со станицы, то слева. Тетя Вали ее так и звала – левая соседка, особенно, когда та особо много негатива из чана своей семейной жизни на нее выливала.

Тетка Клавдия от двери споткнулась и крикнула: «Точно тебе говорю, дальше неразборчиво... маленький...» тут она, пытаясь срочно поймать хозяйку в поле зрения начала на скорости разворачиваться, окончательно утратила равновесие, от торопливости зацепившись о собственную ногу и

следом глухим ударом слегка подправила стену лбом.

Все трое подскочили, надеясь поймать несчастную, хоть бы у пола, раз стена уже пострадала.

Но скоростная гостя не упала, лишь некоторое время продолжала скользить вниз уже большей, чем один лоб поверхностью.

Сумев наконец притормозиться, Евдокея быстро оправи-лась и подняла с пола упавшую разноцветную панаму. Выдохнула, однако, запала не растратила.

Тетя Валя все же успела встрять в паузу: «Клавдия, ты бы потише, тут дети!»

– Это они, что ли дети? Скажешь тоже! У нас об их пору уже по второму было! И вообще, пуцай знают, что это за стихийная подлость – замужество! Кой там в шторм на утлой лодочке!

– Ну, ты давай, девчонок не пугай и все в кучу не вали. Есть и счастливые семье.

Клавдия расхохоталась влет – резко, живо. Видимо, получила привет от стукнутого лба и ухватилась за голову. Поскольку ха-ха и реакция на него постигли ее неожиданно, несчастная не успела набрать для всего достаточно воздуха и начала давиться звуками.

– Так, садись. Говори. Чаю хочешь?

– Да! «А что рассказывать про эту сволочь? – спросила жалобным голосом Коавдия и... не умолкала полчаса.» И на этот раз воздуху ей на все хватало.

По мере повествования до не слишком заинтересованных слушателей довели, что Клавдия считает своего мужа маленьким сатаной.

«Почему именно маленьким?» – спросила Ритка.

«Потому что такие тупые тупари нигде карьеры не делают!» – последовал ответ.

Выяснилось место действия сегодняшней разборки, она проходила у супругов в хлеву рядом с козой. Но дальше мысли оскорбленной женщины запрыгали к старым и совсем старым обидам, перемешались с последними, путая места действий. И стало непонятно, какая обида постигла ее самой последней. Но никто больше вопросов не задавал. Человеку просто надо выговориться.

Клавди позже, выпив три бадьи чаю, ушла успокоенная, хозяйкой провожаемая. Поселив у девушек некоторое беспокойство.

«Ну и как в этом мире жить!» – высказала Ритка общую мысль.

«И впрямь – поддержала Эмма – лучше бы, конечно, вообще серьезно ни с кем не связываться...»

«Обалдеешь от них!» – вставили Ритка.

–Ну да, а старой девой тоже оставаться...

–Противо природное явление...

–Да без детей...

–То то и оно...

–А дети должны в полной семье расти, иначе...

–Могут вырасти процентными социопатами.

–Ну, не обязательно...

–Да ладно, неполные семьи здоровья детям не прибавляют, про неуверенность незащищенности уж не говоря..

–И как жить...

Решение как жить частично созрело ближе к ночи «во-первых словах, гнать депрессию от себя поганой метлой и дома ни в коем случае не сидеть».

А то всю жизнь просидеть можно...

К следующему вечеру Ритка явилась второй раз на дню упакованная и переодетая, готовая к любовным подвигам.

Она не влетела, вошла в бунгало торжественно ступая. Между пластиковым столом, деревянными стульями слева у входа, и кроватями в глубине, выбрала стол. Ширму и узкий шкаф, блестящий полировкой с середины прошлого века она для угнездения не рассматривала.

Указав в низкое окошко, провозгласила явно обдуманную фразу из последнего разговора: «Да и проплакать над одиночеством, которое по причине личной изоляции никогда не сменится на компанию.

«Пойдем куда?»

Эмма, конечно, не особо рассчитывала встретить свою половинку вдали родного города, но в жизни всякое бывает, кивнула.

«Где младший юрист? – поинтересовалась Ритка и не дожидаясь ответа заторопилась – как ты, кстати, относишься

к моим на него поползновениям... и даже домогательствам? Врядли, конечно, из этого для меня толк выйдет, ну хоть мастерство оболъщения на городском парне пооттачиваю, тренировка всегда полезная... так сказать... но... ты наверняка ему другую жену хочешь.»

–Мы с тобой нормально общаемся... только у Артема еще полный ветер в голове, сама видишь. Подождать бы несколько лет, а то... это как ребенка совращать.

–Да ладно, мужик с рождения мужик. Да и нету у меня несколько лет. Зеркало мне уже женские черты начинает задвигать вместо девичьих. Видишь, скулы резче обтянуло и пара легких бороздок прутся вокруг глаз, когда улыбаюсь. Вот смотри, смотри!.

–Не выдумывай. Я тебя сколько, три года не видела? Пока не меняешься.

–Думаешь? А бороздки?

–А ты себя раньше, например, в пятнадцать внимательно в зеркало рассматривала? И что б с улыбкой?

–Да вроде, нет.

–Ну, вот. Ладно, пошли.

В однокомнатное южное сооружение типа «сарай» ввалился Артем.

–О. привет!

«Как порыбачил?» – спросила резко заулыбавшаяся во все свои здоровые зубы Ритка, про аврал с морщинками также не поминая.

–А, да. Отлично!

–А улов где?

–У тети Вали шкворчит, сразу отнес. Мы там с мужиками немного посидели.

«В чайной или на берегу?» – строго спросила Эмма.

–Правильно, в чайной – оплоте цивилизации и под боком у жен мужики сильно не квасят, на морском просторе – дело другое – вольное.

–На берегу, но мы по чуть. Законодательство штата Огайо запрещает спаивать рыб допьяна.

–Больше сегодня не капли.

«Правильно, мне тоже муж алкаш не к чему, вон их сколько вокруг, бери, не хочу! – встряла Ритка – А что и такой закон есть?»

«Да ладно тебе, прямо сопьюсь я тут за пару месяцев, – ответил Артем сперва сестре – опять же натур продукт, в основном...». А Ритке улыбнулся – закон-то есть, но не рассчитывайте, леди, как вы говорите: «На меня ваш местный хомут надеть.»

«Леди... – потянула Ритка – месяц бы с улыбкой борщи варила... как звучит... возвышенно.»

–Эмм, тетя Валя зовет ужинать.

–А ты чего усаживаешься?

–Меня уже покормили.

–На бережку?

–Ага и тетя Валя тоже. Тебя ждет. Мою рыбу оценишь.

–Добытчик ты мой. Ладно. Иду. Рит, ты как?

–Спасибо, я сытая. Не бойся меня с Темочкой оставить, не съем.

–Надеюсь. Я скоро...

Алка, Надежда и Ниночка уже ждали на прежнем месте, обсуждая новости. Сегодня вернулась из города местная устойчивая как цементный постамент пара: Нелли и Виктор.

«Готовятся осенью пожениться, – прокомментировала Ритка и довольно недоброжелательно добавила – вот скажи, почему меня Нелей не назвали, думаю, Витька на ней из-за имени женится.»

–Почему так считаешь?

–Есть кой какие мысли.

–А что Неля своего будущего мужа с пятого класса пасла... ладно, большие силы в отношения вложила. Никогда на сторону не смотрела и не только ему, даже его родителям буквально угождала, это ничего не значит?

–Да ладно, не такая уж она правильная. Просто хитрая. Замуж сильно хочет, детей нарожать, ей больше ничего не надо. Тетка Дарья отправляла в город учиться, родня у них там, так не захотела. Витя... Витенька.

«Я таких девушек называю «правильные самочки», – вдруг съехала с позитива Эмма. – классическая ситуация: когда стукнет... не будем о грустном, часто выясняется, что они – правильное самочки были правы. Надо было рожать.»

–Ох уж мне эти разговоры про локоть, который почему-то

надо непременно самой себе кусать, словно это не просто «стукает» – а в вампиршу превращает.

–Но мы-то в любом случае еще ничего не проворонили.

–Ну да...

«Привет, ребята, как съездили?» –кислогато поинтересовалась Ритка, первой здороваясь.

«Да все в порядке! – с контрастным энтузиазмом затараторила Нелли – Что надо купили, что надо заказали... свадебное платье шикарное... Хотя не без приколов... да все рассказать – полдня не хватит... Короче теперь порядок, хоть беготни... Витенька как всегда был на высоте. Все объяснил мне бестолковой, так что благодаря ему дело с места сдвинулось...»

Девушки слушали с прежним кислом интересом и когда Ритка, перебив Нелли на середине фразы, заявила, что им пора, Эмма с удивлением заметила, что тоже рада оставить счастливую парочку их счастью.

«Неужели завидуешь? – подивилась Эмма, почти не участвуя в вечерней тусовки, надолго уходя мыслями, задумчиво глядя в морскую черноту.

Небо, вступая в ночь сомкнулось цветом с морем, но Эмма... я ж почти юрист, что б недавние разделы не помнить, не сводила с примерной линии глаз... между тем, прежде в темноту долго смотреть было все же не настолько интересно... не всегда, только сегодня...

Так... да нет, нет же, не может быть, дома уже столько сва-

деб сыграно. Никогда не стремилась усесться во главе стола под драпировку бантов и самые кричащие букеты. Думала наоборот – вот и закончилась вольная жизнь очередной подруги. И в лучшем случае навсегда. Убито звучит. Безнадега.

А здесь чего проняло? Странно. Природа. Естество. В ту запрограммированную степь и тянет. Так, наверно.

* * *

Следующее утро началось для жителей поселка рано, даже для них. В три с копейками.

Бабаханье и крики настигли брата и сестру неожиданно и показались совсем близкими, словно разразились на крыльце тети Вали.

Силовая разборка в отдельном взятом доме?

Эмма села в постели из положения «на животе». Артем, которого для скоростного пробуждения требовалось густо сбрызнуть водой, желательно из уличного ручейника (а лучше из проруби) подскочил с секундной задержкой.

И Эмма пробужденной мыслью подумала, что состояние нервной системы обоих находится в удалении от реакции на отдых. Скорее – на угрозу.

«Что?» – спросили друг у друга разбуженные и рванули на улицу. Артем на ходу впрыгивал в шорты, Эмма сэкономила на нескольких шагах в желании накинуть на себя длинную хлаламиду с ширмы и тоже схватила ближние шорты. То, что они с братом перепутали футболки стало ясно на улице. Артема затянуло, как курсистку, Эмма же местами реализовала

мысль о хламиде, жаль не во всех. Но щас не до ха-ха.

«Тетин Валин дом разваливают?» – предположил Артем уже на бегу.

«Кто-то из этих спьяну въехал?» – поддержала версию Эмма, спросонья в громких тресках-криках вовсе не кажущуюся бредовой.

В середине тропинки кусты черешни начала сада уже не скрывали дом и брат с сестрой убедились, что он, видимый двумя сторонами, по крайней мере с места не снесен. Голос тети Вали раздался от уличной калитки. Ребята успокоено подумали, что голос человека, дом которого развалили, звучит иначе, но темп не снизили.

–Теть Валь, что случилось?

–Хозяйка обернулась на голос.

–Что и вас перебудили, вот оглашенные! Пока не ясно. Похоже у Игната опять заваруха. В прошлом году к нему также ночью за сиренью полезли, так забор завалили.

–Кто, эти?

–А кто ж еще? Наши умеют через калитку заходить.

–Так эти мародеры с забором свалились, друг на друга попадали, кто внизу, кто сверху, хари пьяные посшибали и разозлились... на Игната. Собаки лаем с лап сшибались, Игнат на грохот выскочил, так пришлось за дробовиком бежать. Хорошо, что наши подоспели, неизвестно, чем бы все закончилось.

«А сваленный забор дяде Игнату поставили?» – спросил

неожиданно серьезно Артем.

–Иии... милай, об чем ты? Куды! Нет, конечно! Такая уж порода пришлая. Самолично поднимал, до сих пор что-то мастерит, заменяет, деньги ведь...

К месту заварухи бежало сразу несколько человек. Трое впереди спешащих закрывали часть обзора. Но все равно тайна ночного шума раскрылась – у усадьбы дяди Игната свалка находилась в самом разгаре. Многострадальный забор не выстоял, его снова притянуло к земле – неровными вздыбленными горками. Серые, отмытые дождем узенькие доски потеряли строевую целостность.

Из-под самой высокой неровности торчали недвижимые, неизвестной принадлежности, но явно мужские ноги – босые и очень волосатые. Тело в направлении прироста покоилось под забором. На заборе и вокруг него копошилось сразу и не скажешь сколько людей. Треск, крепкие выражения. Среди них высокий голос.

–И женщина на дело пошла?

–Сирени ей не хватало?

–Женщины цветы принимают, а не добывают...

–Ну, я тебе щас...

–Ты, сволота немытая...

–Убью, гаденыш!

Эмма моргнуть не успела, как Артем легкой тенью скользнул мимо и секунду позже схватил кого-то сзади за футболку, навесным ударом врезал под дых и удивительно неслыш-

но поволок в сторону. Казалось – с одним из мародеров покончено.

Эмма ахнула и рванула за братом. И подросла как раз, когда мужик ухитрился развернуться и увесистым размахом отправить Артема в полет в ее же направлении.

Эмма на ногах не устояла. Артем подреб ее под своей маской, больно врезав по боку острым локтем. Над ними тут же склонилась перепуганная тетя Валя.

–Ребята, как вы?

«Да нормально, – легко подскочил на ноги Артем. Эмка – отличный амортизатор».

Сама Эмма встала на колени, немного покачалась и поднялась с помощью тети Вали презлющая.

–Ты... придурок...

–Э..э.. тетя Валь, попридержи сестренку. Такой злой я ее с детства не видел, когда часть ее конфет съел, нет, когда куклу сломал.

Хотел сказать: «Любимой кукле голову оторвал?»

–Ээээ, Эмка, не надо, ну прости, прости. Как ты солнышко?

Тем временем баханье в районе сваленного забора стало затихать. Сразу, как только чей-то истеричный голос крикнул, перекрывая женоподобные звуки: «Ироды, стойте, мужика задавили!»

Тут уж отпустили чужие грудки и взялись за дело. Откинули забор, освободили лежащего. Однако, человек продол-

жал оставаться недвижимый. Все сразу затихло.

«Надо бы подойти посмотреть», – предложил прежний голос.

Но тут кто-то крикнул: «Разойдись!»

Хозяин протолкнулся вперед и со всего маху вылил на недвижимое тело ведро воды.

Игнат, ты бы того...

Но тут подгребенный дернулся, фыркнул, откашлялся, погреб пальцами по песочку и резко сел.

«Живой!» – всколыхнуло ветерок...

К Эмме рефлексы вернулись полностью. Она привычным захватом вцепилась в футболку Артема и железным голосом приказала: «Домой!»

По дороге назад к дому выяснилось, что и шорты брат с сестрой тоже перепутали. Когда прежде они пытались махнуть одежкой, то быстро выясняли, что их пропорции неизменны. Верхняя половина Артема, как он говорил – «Косая сажень в плечах» превосходит объемом узенькие плечи Эммы, ее интеллигентский бюст вещи Артема также не фиксирует.

С нижней частью тел родственников соотношение также сохранялось.

Эммин все еще напряженно работающий мозг зафиксировал странное движение одновременно с... утерей нижней части гардероба. Теперь она поняла, что подтягивала шорты автоматически, а теперь расслабилась, а они, не будь не со-

измерными дураками, тут же и упали.

«Когда это я успела так похудеть, ожидала под раздачу на оборот лишних пару кило», – радостно подумала Эмма, одновременно фиксируя внимание на походке брата.

Так выворачивают ноги, когда перехваченному телу не позволяют свободно двигаться. Обтянутая футболка дополнением кричала о принадлежности выбора и сгоняла к трагическим мыслям «не может быть!».

«И шорты перепутали, – догадалась наконец Эмма – а я уж про себя обрадовалась, про Тёму напряглась...»

–Артем, ступай медленней. Двигаешься, как прости господи...

Дальше неразборчиво, чтобы подтянувшаяся тетя Валя не услышала.

* * *

Эмма сидела за барной стойкой ножку на ножку и старалась не делиться откровенностью, что скучает. Народ в кои вели выбрался в город. Все-таки больше семидесяти километров. И народу весело.

Кроме пассивной Эммы, все остальные держались в тонусе. Алка с Надеждой уже обзавелись ими интересующимися партнерами по выпивке и танцам. Пип с откровенным выражением лица «поперло!» успешно налаживал контакт с симпатичной блондинкой у стойки.

Надо бы его предупредить, что у таких ярких, хорошо упакованных девушек отношения с парнями нередко професси-

ональные. Ладно, сейчас с табурета слезу... нет, лучше СМС. Коротко. Спроси у нее: «Сколько?»

Ну, вот, развалила пару. Пусть бы Пип сам разобрался. Еще б немного с радостными глазами посидел.

Так, а мой-то где?

Опять? Ты еще в мужской туалет за ним попроси... опять... когда-нибудь для меня зарастет эта сестринская тропа... Контрольные десять минут еще не прошли. Не много ль ты времени отвела – у всех разные вечные вопросы. Почему, собственно, десять? Да за десять минут в прежние куражные времена я бы... Ладно, жду.

Ритка вовсе отбилась от компании в другой конец зала. Тоже активна, с горящими глазами... может перестанет на Тёме жениться. В ее этой более эффективной пробе понятно, кто там мужик...

Эмма решила, что такой игнор всеобщей радости не вежлив и сползла с табурета, решив хотя бы показать движение, в отличие от сидения, не столь откровенно кричащее: «До чего ж мне у вас скучно!». Да и Тему все равно пора отыскивать и возможно оттаскивать.

Эмма прошлась до дальнего угла, где сквозило меньше и куда почти не долетали нервно-больные всполохи вращающегося шара... Артем ценит уют.

В самом углу вдаль от всех внимательно и тщательно целовались, ба, знакомые лица. Нели и Вадим.

Эмма прошлась по трем тщательно занавешенным окнам

с широкими простенками, поглядела на танцующих и уперлась в стену с входной дверью и очень удивилась, увидев и здесь спину Нели точно в такой же целующейся диспозиции. Оглядываясь назад Эмма прошла входную дверь, напомнив себе, что она не праздно шатающаяся особа, а озабоченная сестра, ищущая брата в не в вполне надежном для пребывания месте. И снова, отойдя от входной двери примерно на половину, увидела по прежнему вкусно целующихся Нели и Вадима и в этот раз твердо сказала себе: «Не может быть!»

К четвертому углу она шла уже быстрой походной, прочищая себе дорогу движениями из прежней жизни. И натолкнулась на Артема.

—О, привет! Это оказывается, моя собственная сестра людей с ног сшибет.

—Где ты ходишь?

—Я не хожу, а пытаюсь сбежать от этой целующейся парочки.

—Что?!

Ну, Нелька со своим. Достали. Стоят двойными перекрытиями, куда не двинешь. Какие-то ненормальные. И чего, спрашивается, поперлись на дискотеку. Дома больше укромных местечек, где никто толкать не станет.

—Ты серьезно?

—Ну да.

—Ладно, показывайся, пожалуйста, не пропадай, я у стойки.

Эмма, прежде, чем вернуться к месту посиделки, все же дошла до последнего четвертого угла и уже не удивилась, снова встретив там сплюсненные полупрофили: Вадимов на этот раз отчетливей.

Для себя Эмма объяснила это массовое явление так: «Местами были не они».

За барной стойкой люди сидеть или любят или нет. Не всем подходит высокий стул да еще если без спинки и не все имеют выдающе красивые ножки.

... Хорошо хоть сижу спокойно, никто не бомбит: «Девушка... плюс привязанная глупость».

Настроения нет, да и не мой это мир.

–Девушка...

–Ну вот, сглазила.

Невысокий, плотненький брюнет с приятной улыбкой и редкими волосами по плечи. Несообразно лицу узкие очки отдают отблески света.

–Девушка, у вас что-то в волосах...

–Да? Где?

–Что-то блескущее и растрепанное. Нет, выше... ниже.

Погодите, у меня тут по случайности зеркальце есть.

Эмма опустила руки от головы, но за зеркальцем не потянулась.

–И как получается?

«Что?» – плотный парень продолжал уверенно протягивать зеркальный прямоугольник с мягко оформленной ма-

товой стороной.

–Понятно, что – устанавливать контакт.

«Да, получается» – ответил после паузы слегка недовольный рассекреченный.

–И какова статистика?

–Процентов пятьдесят, а то и больше. Вот теперь – пятьдесят один.

–Так проценты или девушки? И не много ли насчитали? И главное меня почему прибавили?

–Но мы же разговариваем.

–Хм. Пожалуй.

–К тому же вы не учитываете, что в следующую встречу я для девушки больше не незнакомец. А когда крутишься близко, бывает... ну... и обламывается. Да что там скромничать, я, если хотите знать, успешнее отдельных здешних мацо... хорошо, они не знают. Показать телефон?

–Что ж, девушки иногда чувствуют одиночество...

–Чаще – лишний гладус – ха-ха!

–Значит вы – спец дезориентации, и как это, когда берешь не свое, когда спят не с вами?

–Почему это не со мной? Я ведь бываю полезен, например, до дому, если надо подвожу... потом. Слезы вытираю, возмущение разделяю. А когда девушка плачет или ругается, это уже не бесчувственное тело, да и честно сказать не узнают они меня... по большей части. Врачам, наверно, видней, а по мне – так вполне вменяемые отношения.

—Для успокоительного секса... и впрямь спец.

—Слышу издевку в вашем голосе. Только сами посудите, что мне с моей обзорной внешностью делать? В ванной с журналами запираюсь и потом со стеклянными глазами ногами-кувалдами переступать? Было бы у людей принято красотой ушей гордиться, я был бы в порядке, они у меня такие аккуратненькие. Вот посмотрите... Хорошо вам издевки в голос пихать, с вашей-то наружностью. И к тому же я ведь на себя работу психотерапевта беру и достаточно для этого нахватался, чтобы собственное настроение гасить. Любые личные вопросы обсуждаются только со своими. И уж точно не с девушками. Они вечно что-то лишнее плетут, воображают. А это просто секс.

—Голый секс.

—Обычно девушка так не выражаются. Послушайте, а не хотите ли со мной немного поближе познакомиться? Вы — красивы нездешней красотой. А я хорошо знаю, что надо девушке.

—Спасибо, нет.

—Может попозже подойти?

—Нет, в этот раз точно не выгорит.

—... Ну как знаете.

Эмма отвернулась от удачливого умника и оглянулась вокруг. Где опять этот мальчишка... больше никогда его с собой не возьму. На этот раз куда свинтил?

Эмма вспомнила, как родители впервые отпустили с ней

Артема во взрослую тусовку, а он исчез из глаз вместо «зд-расти» ночному клубу. Эмма проклиная день, когда повелась на просьбу брата, ждала его почти до утра. В итоге Тёму к дверям доставила девица раза в два старше Эммы и вообще совсем другая, на нее непохожая.

Вышла вместе с ним из машины, если можно так назвать извлечение с заднего сиденья братского тела. Подтащила, подтолкнула к Эмма и сказала: «Извини подруга... у меня тоже... мелкий». В машине заржали, но девица не дрогнула ни одной мышцей сочувствия пока садилась в авто, которое незамедлительно отчалило.

Маленький засранец все это время нестройно качался и рухнул на асфальт в рассеянном свете удаляющихся задних огней. Эмма до сих пор не знает за что извинялась девица, чувствующая и в нетрезвом состоянии такую вину, что даже вернула Артема взад.

Эмма в особо сердитом настроении продолжала брата об этом спрашивать... а он только ржет.

Будь я другая, попросила бы этого крепыща в туалете посмотреть. Но, нет, сама попрусь. Пару раз наживала на свою голову... Странные эти мужики. То гордятся своим достоинством, аж из ушей лезет, то сердятся на ненарочный взгляд, не знаю, взбодрить его не успели, что ли.

А, наверно так. Особи мужского пола рады поощрительным взглядам, а невыразительным, про отрицательные не говоря, что она там на самом деле думает, – нет...

И куда тебя? Неужели зеркальный умник подогрел?

Скажешь тоже!

В этот раз Эмма решила держаться центра зала и посылать запросы локатора вкруговую.

Почти добравшись до плана, она столкнулась с Риткой. Та была сердита.

«О, блин! – выругалась та – Меня наши по одному шпырять будут или все сразу навалятся?»

–Извини, не хотела толкаться, кто на тебя еще покушался?

–Сделать из меня боксерскую грушу? Да эти, наша не убиваемая, железная парочка. Только что в страстном порыве чуть с ног не сшибла.

–Нели с Вадимом?

–Кто ж еще?

–От второго «не может быть» Эмма как-то удержалась.

–А вообще, как дела? Мне показалось, что ты довольна и даже...

–Скажешь тоже! Второй подряд кидает. Как узнают, что из станицы, разворачиваются и привет!

–Звучит почти как из столицы. А что здесь такого? Из города далеко ездить?

«Может и так... нет, лучше родиться горожанкой, чем чтоб звали Нели. – вывела Ритка уже вовсе не достижимую мечту и махнула рукой – Пойду еще потанцую, зря что ли приперлась.

–Давай!

Эмма нашла брата в тесном общении все с той же красивой, упакованной девицей. На этот раз сквозь ее толстый макияж пробивал легкий натуральный интерес.

Эмма без слов схватила брата за руку и потащила: «Этого еще не хватало!»

–Будешь сидеть дома, как старая дева. Ясно?...

–Правда?

–Да! Куда ты лезешь?

–Да нет, я не... откуда деньги, мы просто разговорились и Ядвига жаловалась... неважно...

–Ты это брось! Как маленький ребенок все подряд тащишь в рот!

–О, сестренка, какие вульгарности... знаешь, сядь, посиди, хоть народу настроение не портить. В зеркало себя видела, злыдня в пикете.

Эмма и сама не поняла, откуда у нее взялось такое настроение испорченное. Но она едва дождалась часа отъезда.

* * *

В эту ночь Эмма спала беспокойно и, даже утром проснувшись, так и не докопалась до причины. Хотя, обычно принудительный анализ позволял ей разобраться с тревожностью. Установить, выработать меры и успокоиться.

Да и проснулась Эмма странно. Ее рука упала в подушки, после того, как она отпихнула человека от своей постели.

Что?!

«Да это сон, это был сон! – взялась серьезно Эмма про-

тивнодействовать серьезному расстройству – но толчок ладонью был таким ясным, Эмма ударила черную кожаную куртку прямо в оттопыренный карман, в котором лежало что-то твердое.

«И это все ты с закрытыми глазами определила?» – спросила у себя Эмма. И после этого смогла в основном отцепиться от сна.

Еще Эмме почему-то в голову лезли фразы с ссылкой на местную ведьму (неужто дело в ней?), она продолжала возвращаться к неуютным чудесам мыслями-непонятками.

То есть как ведьма? Прямо настоящая живая ведьма, которой под силу судьбы людские и катаклизмы природные? Которая потянет в миру в единый миг разрулить ситуацию, к которой никто другой, в том числе массовое приложение заинтересованной исполнительной власти голову не приложит?

Да ладно! Если бы этот сказочный персонаж правду что-то вершил, то не глядел бы так долго на мученья односельчан. И никакие личные соображения не остановили бы навести порядок на родной земле...

Направления ведьминских мыслей анализировались плохо. И как-то вечером Эмма просто хлопнула рукой по столу и заявила замершей в очередном созерцательном приступе Ритке.

Я должна ее увидеть!

«Кого?» – старательно оттаскивая глаза от Артема, но так

и не оттащив, спросила подруга., продолжая неестественно косить глазом.

–Ведьму!

«Агафью!? – слету возмутилась Ритка, продолжая неестественно косить глазом – Ты это брось! Она неважно принимает не приглашенное внимание.»

–Да, ты говорила. Вопрос в том, что она со мной сделает в наказание?

–«Превратит в трансмиссию, ха-ха» – Ритка сменила настроение. Ха-ха.

–«Какими ты словами владеешь», – даже отвлекся от планшета Артем.

–А то! Не все вам городским образованностью хвастаться.

–Ок. А что такое трансмиссия знаешь?

–Да какая разница, слово-то какое красивое, иностранное.

–И мужики сразу уважают. Не волнуйся, подруга, знаешь и эти твои наблюдения – тоже признаки аутентичности. Ты на удивление цельная личность.

–Эмма, слыхала, он назвал меня подругой?... а что такое... ау... ау... Нет, в детстве вы как все говорили, а теперь нахватались, нельзя разобрать.

–Кто первый начал?

–Рита, ты о чем другом думать можешь?

–Не, только об ней одной, о любви...

–А у меня ваша ведьма зависла в голове. Я в истории с

этой местной знаменитостью знаешь, чему удивляюсь? Вашему странному отношению. Никто к ней не пристаёт, даже взглянуть не идет.

–А, ну это наши по одному разу почитай все проходят. Когда в селе ребенок подрастает, интересуется, конечно. Живая ведьма под боком. Разок сходит поглазеть, больше – нет. Не знаю, почему ты в свое время не ходила.

–Да мне никто о ней не рассказывал.

–А, помню что-то. А то девочка из города испугается и больше не приедет.

–Ладно, это ясно. Но почему дальше не идут? Это она делает?

–Настоящая ведьма не отваживает и не отмахивает, она умеет быть не интересной.

–Вот это да!

–А то как же – высший ведьминский пилотаж! Наша Агафья. У нас на селе, может троллейбусов нету и в метро попасть можно только с пьяных глаз, в смысле в чужой подпол провалиться, зато наша Агафья... Сказала бы: «Плохого не держим, но с ней лучше никак не шутить. Не раздумала еще идти?»

–Нет. Еще интересней стало.

–Ты ведь понимаешь, она за изгородь свою плетенную не часто выходит, а не сидит на сосновой полянке вся в колдовском тумане и не ждет всеобщего использования.

–И все-таки я бы попробовала. Но я понимаю. У тебя днем

времени нет. Вон в море окунуться и то... Одна схожу. Сориентируй по местности

–Вообще–то мне любопытно, как тебя встретят, если, конечно, вы увидите.

–Ритка даже совсем отвернулась от объекта обожания и полноценно уставилась на подругу. Да, интересно. Когда пойдем?

–Да хоть сейчас.

–Это нет. Ночных гостей Агафья на дух не переносит – с нечистью ровняет. Одного нашего – дядьку Андрея даже на дерево зашвырнула. Ну ты, небось, эту историю помнишь.

–Нет, не помню. Наверно по той же причине не рассказывали. И как она его зашвыривала, собственноручно?

–Собственномагически. Ты может помнишь дядьку Андрея, дом его на том краю – перед Натальиным. Так он временами по пьяному делу, а друг у него на другом конце села, промахивался и по сосновому бору кривые тропинки прокладывал. Иногда до дома Агафьи добредал. Пару раз со своей развалюхой путал и в забор ломился. А главное, взял манеру поблизости от вредной загородки засыпать с цыгаркой в зубах. Агафья это долго безобразие терпела. Думаю и дальше не тронула бы. Раз только через Наталью передала – мол, пусть осторожней, как бы не сгорел! Но когда дядька Андрей все же учинил пожар и сам чуть в нем не изжарился... У Агафьи тогда кусок изгороди выгорел, лавочка и часть грядки огурцов стали барбекю, плети-то по осени уж высохли. Лес

тогда занялся – всем миром тушили, пожарные приезжали. Дядьку Андрея чуть не привлекли. Главное, конечно, что он едва с жизнью не простился.

–И что?

–Ну, она и... подвесила. После той страсти мужик не только перестал дома путать, а и вовсе пить бросил.

–Подвесила? Ты имеешь ввиду за что-то?

–Какие у вас в городе девушки испорченные. Не то, что бы наши никогда так не шутили, но... Слышь, Артем?

–Не поняла технологию процесса.

–Буквально – подвесила. Мы с дядькой Антоном через дом соседствуем. Наши этот прикол с детства знают. Дядьку Антона как на рассказ подобьют так он в лицах показывает и в выражениях не стесняется.

Говорит: «Про вечер накануне ничего не помню. Утром очнулся в качке – ничего не понимаю в море неделю не выходил. Огляделся, еще перепугаться не успев. Рядом со мной верхушка сосны покачивается, зелеными иглами на солнце блестит».

Сильно. В первый миг даже подумал: «В море болтаюсь среди обломанных сосновых веток.» Насколько сосна здоровущая, да высокая – это мне следующий взгляд показал. Тут я обомлел, конечно. Голова трещит – никак не соображу – какого... И так и так подумал – все не может быть! Поднял умом одно – подруга навестила – белая горячка. На этот раз среди бела дня, паскуда, приперлась. Страх с возмущением

меня отключил. Открываю в другой раз глаза, все помню, понимаю, не тону, но выбираться все одно надо. От того, что местами храбрюсь – матюгаюсь на верхотуре, к земле не доставлюсь. В смысле в прежнем виде, не в лепешке. Это сколько хошь.

Посмотрел я на этот раз очень внимательно вниз – на чем стою и есть ли ниже куда наступить и осознал – подо мной голяк, никаких веток нету. А ветки, если и есть, так у той сосны, с которой я макушками в унисон качаюсь. Подо мной же просто сизая пустота. А земля далеко внизу может и проглядывается, а может это мир теперь кверху ногами. Дальше дядька Антон в версиях рассказывает. Главная мысль которой: «Я не испугался!»

И все про испуги.

Первое, после отчаянья – с перепугу сильно дернулся к той сосне направлением. И меня мягко на прежний висяк вернуло и на прежнем месте слегка посильней покачало. Вроде не держит ничего, а как за шею привязанный, потому что дыхание у меня именно тут вон.

Повисел еще немного, думал опять отрублюсь, ан нет. Такая судьбина жуть на не опохмеленную голову принимать.

Попросил я себя слезно: «Прекрати пугаться, меры принимай!»

Раскачался я со всей дури и давай сигать на сосну. Ниже ведь ветки у нее шире, думал, может, допрыгну, выходу ведь все одно нету. А сам кричу: «Помогите, помогите!».

А меня не отпускает, вертает назад и в качку.

Тут слышу внизу пацаны кричат: «Эй, дядька Антон, это твоя задница навису болтается?»

Я воплю: «Братушки, Христа ради, снимите отсель!»

–Как ты туда забрался, чудака? И зачем?

После долгого на многие темы гы-гы, пара парней за мной полезла.

Но вначале кричат: «Отпусти руки, мы поймаем!»

–Но я не дурак к таким шутникам с верхотуры лететь.

В общем намучались они со мной. Никак не поймут – чем и к чему так сильно притянут. Тащат, а меня сносит назад. Тут до одного из парней дошло, что тут чистая мистика и что Агафья никогда просто так волю свою не вершит. И ушли они.

Сказали: «Идиотов нет против Агафьи переть.»

А я еще до вечера покачался, морская болезнь прицепилась – это у потомственного-то рыбака, думал все нутро из себя выплуну. А как солнце начало заходить, меня вдруг отпустило, но не сбросило, а на ближайший сук мягко снесло. Ну дальше-то я уж сам. Ох.

И после того, ни-ни. На всю оставшуюся жизнь протрезвел. Хозяйство настоящее завел, отстроился, ходил благодарить, мол наставила на путь истинный.

Про то время еще свое возмущение вспоминает, то про Агафью, а то его назад к белой горячке сносит...

Наверно наш брат всех и каждого времени считают, что

им хуже всех. Но нынешние белые горячки, извиняюсь, просто... всякое милосердие потеряли! Уверен, что никакие прежние высоко до того не доходили, что б человека над землей подвешивать. Ну гоняется за тобой ктой-то несимпатичный, да и фиг бы с ним. И не говорите мне, что это не Агафья меня на дерево трудоустроила. Живой человек может и сможет подвесить, но так отпустить, нет и не говорите мне!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.